

няли вѣрность императору Никифору; но этотъ послѣдній самъ сгубилъ свое дѣло. 2 Апрѣля **Алексѣй** вѣнчался на царство въ Св. Софіи.

Военной революціи, былъ обязанъ Комнинъ своей короной и знаменательнымъ заключеніемъ революціи было то, что, какъ и 900 лѣтъ передъ тѣмъ, во дни Септимія Севера, со столицей было поступлено, какъ съ завоеваннымъ городомъ. Грубо опредѣленно было при этомъ указано столичной бюрократіи, что ея правленіе, едва не сгубившее имперію, перестало существовать. Военные заняли вновь, какъ и прежде, господствующее положеніе и, можно смѣло сказать, къ великому благу государства. Комнины не могли уже стать „*restitutores orbis*“: Западъ остался у норманновъ; гораздо болѣе важный Востокъ, гдѣ возникло государство Румъ (Иконій) за сельджуками. Но послѣднюю вечернюю зарю дала эта геройская династія многострадальному ромейскому народу, и въ ужасающемъ мракѣ послѣдующаго крушенія имперіи позднѣйшія поколѣнія съ тоской и глубокой благодарностью вспоминали объ этой мощной династіи спасителей имперіи и охранителей ея единства.

VII. Комнины и Ангелы (1081—1204)

Страшно тяжелая задача ждала великаго **Алексѣя I Комнина (1081—1118)**: онъ царствовалъ, такъ сказать, надъ одними развалинами. Въ Азіи въ дѣйствительномъ обладаніи имперіи еще находились почти только прибрежные города; европейскія провинціи сѣвера были опустошены постоянными войнами, ихъ податная сила истощена. Ко всему этому присоединялась угроза норманнской опасности, вызванная безотвѣтственной глупостью *Вотаниата* (сравн. стр. 127). Надо было обладать геройскимъ мужествомъ, чтобы не отчаяться въ такомъ положеніи; и это мужество было у великаго Алексѣя. Но прежде всего въ его рукахъ была столица, кольцомъ стѣнъ которой уже не разъ въ минуту тяжелой опасности бывала ограничена власть императора ромеевъ, и несравненное положеніе которой, самое блестящее доказательство изумительной проницательности равноапостольнаго Константина, всегда доставляло возможность опять вновь возстановить имперію изъ ея обломковъ. Алексѣй былъ человѣкомъ, который посвятилъ этой тяжело выполнимой задачѣ долгую жизнь, полную трудовъ и самоотреченія, съ тѣмъ чисто римскимъ чувствомъ долга, которое такъ выгодно отличаетъ лучшихъ среди ромейскихъ самодержцевъ¹⁾.

Своимъ трономъ Алексѣй былъ обязанъ военной аристократіи и Дукамъ: ихъ надо было прочно связать съ домомъ Комниновъ. Государственная касса, по крайней мѣрѣ въ данное время, не могла платить пенсій; поэтому Алексѣй выказалъ свою благодарность и признательность установленіемъ широко развитой градаціи титуловъ, вполнѣ такъ, какъ дѣлаютъ современные государи съ орденами: стали возводить въ чинъ севаста, протосеваста, паниперсеваста, севастократора и т. д. Еще сохранился документъ патриаршей канцеляріи, который, какъ настоящій письмовникъ, указываетъ непосвященному въ эти высокія тайны, какія обращенія и титулы онъ долженъ употребить, обращаясь съ письмами къ вы-

¹⁾ *F. Chalandon: Essai sur le règne d'Alexis I Comnène. (Paris 1900). (B. B.)*

ских". То, что эти „совершенные“ собрали вокруг себя 80.000 крестьянъ, совсѣмъ напоминаетъ результаты мечтательной проповѣди какого-нибудь *Томы Мюнстера*. Дисциплинированный византійскій корпусъ, конечно, безъ труда разбилъ этихъ борцовъ за вѣру; но когда 1086 въ 1086 г. болгары у *Дристра* стали дѣйствовать заодно съ половцами, къ нимъ тотчасъ присоединились богомилы подъ предводительствомъ знатнаго павликіанина *Травла*, заняли горный замокъ *Бѣлятово* и съ огнемъ прошли по *Тракии*. *Пакуріанъ* и *Врана* были 1086 разбиты въ 1086 г., такъ что *Дристръ* и вся дунайская Болгарія 1087 отторглись отъ имперіи. Въ 1087 г. появился *Челгу-ханъ* съ 80.000 печенѣговъ и половцевъ; *Николай Маврокатакалонъ* смогъ только съ трудомъ задержать ихъ успѣхи, такъ что *Алексѣй* самъ перешелъ Балканы; но въ страшномъ сраженіи при *Дристрѣ* онъ былъ такъ рѣшительно разбитъ, что греки не могли болѣе выступить въ открытомъ полѣ. *Тракия* была отдана теперь безъ сопротивленія на разгромъ дикимъ ордамъ, пожары и убійства простирались до окрестностей столицы. Но какъ нѣкогда надъ норманнами и позднѣе надъ крестоносцами, такъ и надъ печенѣгами византійская дипломатія и византійское золото одержали верхъ. 40.000 половцевъ поступили на службу къ *Алексѣю*, и 29 апр. 29 апрѣля 1091 г. соединенныя силы грековъ и половцевъ такъ 1091 разбили печенѣговъ въ кровавомъ сраженіи при *Левуни*, что отвратительный народъ на долгое время былъ совершенно обезсиленъ. Жалкіе остатки его императоръ расселилъ въ *Верхней Македоніи* около *Моглены*.

Въ послѣдній разъ грозила имперіи опасность со стороны 1094 сѣверныхъ народовъ въ 1094 г., когда претендентъ на корону *Лже-Константинь Диогенъ* повелъ половцевъ черезъ Дунай. 48 дней они осаждали *Адрианополь*, но битва при *Таврокомѣ* положила конецъ всему движенію.

Тѣмъ худшимъ казалось положеніе дѣлъ на востокѣ. Малая Азія принадлежала почти цѣликомъ туркамъ. Болѣе хитростью, чѣмъ оружіемъ, *Алексѣй* отобралъ обратно *Никомидію* и *Синопъ*. 1092-Вмѣсто *Сулеймана* правилъ теперь, какъ султанъ *Рума*, *Кы-1106 лычъ-Арсланъ* (1092—1106) въ *Иконіи*; его тестъ *Чаха*, когда-то 1090 греческій офицеръ, укрѣпился, начиная съ 1090 г. на западномъ 1092 берегу малой Азіи и на *Спорадскихъ* островахъ; въ 1092 г. *Смирна* сдѣлалась столицей „императора ромеевъ“, какъ онъ себя называлъ. Между тѣмъ, греческое золото дѣйствовало и здѣсь, и соб- 1093 ственный зять *Чахи* убилъ его въ 1093 г.

Для римской куріи раздѣленіе церквей всегда отзывалось глубокой болью, и ея движущей мыслью въ теченіе всѣхъ столѣтій была надежда на воссоединеніе. Поэтому всякій разъ, когда хитрые греки находились въ стѣсненныхъ политическихъ условіяхъ, они строили планы уніи. Кажется невѣроятнымъ, съ какою тонкостью они все

снова пробовали этотъ маневръ по отношенію къ добродушнымъ западноевропейцамъ и всякій разъ находили вѣрившихъ имъ, хотя они до *Флорентійскаго собора* никогда почти не думали серьезно объ уніи: это было по большей части лживое притворство изъ соображеній политической цѣлесообразности. Такъ, уже императоръ *Михаилъ VII* увлекъ въ 1074 г. даже великаго папу *Григорія VII*. Но на этотъ 1074 разъ призывъ о помощи императора *Алексѣя* нашель особо благоприятную почву. Успѣхи христіанъ въ *Испаніи* и отвоеваніе отъ невѣрныхъ *Сициліи* высоко подняли религиозное одушевленіе христіанъ. Извѣстно, съ какимъ трогательнымъ усердіемъ тяготѣла пламенная вѣра народовъ со временъ *Ираклія* къ тѣмъ земнымъ мѣстамъ, гдѣ ходилъ Спаситель. Какъ тяжелое оскорбленіе, наносимое Спасителю и Учителю, воспринималось во всемъ Западѣ, такъ искренно и серьезно вѣрующемъ, то, что въ *Иерусалимѣ* со времени изгнанія въ 1076 г. сравнительно терпимыхъ *Фатимидовъ* власть 1076 находилась въ рукахъ суровыхъ и фанатическихъ *Ортукидовъ*.

Такимъ образомъ, проповѣдь крестоваго похода со стороны папы *Урбана II* затронула интимнѣйшія струны тогдашняго чело- вѣчества и имѣла прямо необыкновенный успѣхъ даже для привыкшей къ побѣдамъ куріи. Но въ то время, какъ итальянскіе республиканцы *Венеціи*, *Генуи* и *Пизы* умѣли учитывать мощное религиозное движеніе только по-купечески, крестовый походъ пламеннаго французскаго и фландрскаго рыцарства ¹⁾ былъ дѣломъ сердца и убѣжденія, и по праву поэтому называются славные подвиги ихъ оружія „дѣлами Бога при посредствѣ франковъ“ (*gesta Dei per Francos*). Никто не радовался болѣе ихъ безпримѣрному триумфальному движенію, чѣмъ жестоко притѣсняемые турками и мучимые греками старые христіане Востока, сирійцы и армяне. Что армяне могли основать и удержать въ *Киликіи* въ теченіе трехъ столѣтій полузападное феодальное государство, этимъ они обязаны въ первую голову большому народному движенію на Западѣ. Ихъ писатели, прежде всего *Матѳей Эдесскій* и *Самуилъ Анійскій*, полны восторженныхъ похвалъ западнымъ борцамъ за вѣру и освободителямъ *Иерусалима*, и въ то же время полны самыхъ горькихъ упрековъ противъ изолгавшихся и коварныхъ грековъ *Алексѣя* и *Мануила*.

Если не желать быть несправедливымъ, то можно, конечно, понять, что императоръ ромеевъ очень озабоченно смотрѣлъ на приближеніе крестоноснаго войска. Окруженные привычными къ войнѣ гордыми рыцарями западные государи не были кондотьерами, которыхъ за византійское золото можно было нанять для того, чтобы дѣйствовать при помощи ихъ войскъ по желанію въ Азіи или въ Европѣ. Среди нихъ былъ *тарентскій герцогъ Боэмундъ*,

¹⁾ Тогдашніе норманны были французами.

смертельный враг императора. Во всякомъ случаѣ, было трудной задачей добромъ справиться съ этими въ высшей степени самовластными и вспыльчивыми вельможами. Но интриги императора, безсовѣстные приемы дипломата старой школы, не мало способствовали обостренію ненависти между греками и латинянами и сдѣлали молву о хитрости и двуличности грековъ—франки тоже не страдали избыткомъ честности—достояніемъ общественнаго мнѣнія Европы даже до нашихъ дней.

Здѣсь мы должны помнить только о вліяніи крестовыхъ походовъ на греческую имперію. Переговоры Алексѣя достигли, какъ предварительнаго результата, того, что французскіе князья обѣщали ему принять свои будущія палестино-сирійскія завоеванія въ качествѣ леновъ императора ромеевъ. Прежде всего послѣднему цѣнна была ихъ военная помощь для обратнаго завоеванія Малой Азии. Въ 1097 г. Кылычъ-Арсланъ былъ основательно разбитъ крестоносцами при Никеѣ. Хитрымъ маневромъ Алексѣя было то, что онъ побудилъ турокъ необходимаго для него города Никею сдать ему. Гнѣвъ осаждающихъ, лишенныхъ плодовъ своего напряженія былъ совершенно справедливъ, и всѣ подарки и любезности не могли никогда возстановить добраго настроенія. Притомъ Алексѣй имѣлъ тѣмъ болѣе основаній для благодарности, что рѣшительная побѣда 1 іюля 1097 г. при Дорилеѣ возвратила византіянамъ западъ Малой Азии. Для восточно-римской имперіи это было неслыханнымъ счастіемъ, такъ какъ собственными силами она никогда, вѣдь, не была въ состояніи достигнуть въ Азии чего-либо значительнаго: западная часть Малой Азии обязана сохраненіемъ своей культуры въ теченіе свыше двухъ столѣтій и спасеніемъ отъ варварства единственно воинственному героизму крестоносцевъ. Лаодикія, Филадельфія, Сарды, Смирна, Ефесъ, все самыя блестящія города греческой исторіи, были вырваны изъ рабства невѣрныхъ. Но отношенія императора къ франкамъ все ухудшались. Въ то время какъ послѣдніе брали Антиохію и Іерусалимъ, императоръ только расширялъ свои владѣнія въ восточной части Малой Азии; крестоносцы, такъ много сдѣлавшіе для него, съ правомъ жаловались на то, что онъ не сдѣлалъ ничего значительнаго въ ихъ пользу. Императору, конечно, его христіанскіе союзники казались почти столь же опасными, какъ и турки Рума; и если имѣть передъ глазами планы Роберта Гвискара и событія 1204 г., то нельзя его порицать за это.

Запутанныя отношенія Алексѣя къ Боэмунду, который 1098 укрѣпился въ 1098 г. въ Антиохіи, приняли серьезный оборотъ. Вслѣдствіе измѣны армянскаго стратига Филарета греки только въ 1085 1085 г. потеряли въ пользу турокъ столицу Востока, когда-то возвращенную имперіи съ затратою колоссальныхъ усилій оружіемъ Никифора Фоки; понятно, что они огромное значеніе придавали тому,

чтобы опять овладѣть ею. Въ 1099 г. дѣло дошло до морской и сухопутной войны съ Боэмундомъ, которая велась послѣднимъ въ Киликіи, въ то время какъ его союзники пизанцы разграбили острова Левкадію и Кефалонію. Въ 1104 г. Боэмундъ отправился въ Италію и собралъ при помощи папы Пасхалия II чрезвычайно большое войско. Но вмѣсто того, чтобы направить его на востокъ, онъ снова взялся за осуществленіе плановъ своего отца и, перехитривъ греческихъ полководцевъ, высадился въ Валонѣ (въ Эпирѣ). Предпринятая имъ осада Диррахія потерпѣла полную неудачу. Наученный опытомъ первой норманнской войны, Алексѣй не давалъ ни одного болѣе крупнаго сраженія, но умѣлъ мастерски истощать партизанской войною и безъ того терпящаго нужду непріятели и дѣйствовать подкупомъ въ его рядахъ. Въ 1108 г. Боэмундъ былъ принужденъ заключить въ Дѣволѣ въ высшей степени унижительный миръ, отказаться отъ Лаодикіи и притязаній на Киликію, и принять свое антиохійское княжество въ ленъ отъ Византіи. Въ 1111 г. Боэмундъ безславно умеръ въ Апуліи. Его союзники пизанцы заключили съ Византіей торговый договоръ, который имѣлъ большую цѣнность и для Византіи не только потому, что этимъ путемъ исчезали прежніе корсарскіе набѣги этихъ итальянскихъ морскихъ республиканцевъ, но и потому, что, благодаря договору, выросталъ сбивающій цѣны конкурентъ для чрезвычайно тягостной торговой монополіи венеціанцевъ.

Съ 1110 г. до 1117 г. Алексѣй долженъ былъ опять выдерживать упорную войну съ сельджуками, которые доходили во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ до Пропонтиды. Только послѣ завоеванія Филомилиа и блестящей побѣды при Полиотѣ въ 1116 г. султанъ Меликъ-шахъ рѣшился заключить въ 1117 г. миръ въ Акроинѣ. Вся прибрежная полоса Малой Азии и западъ отъ Пафлагоніи черезъ Фригію до Писидіи и Памфиліи были теперь окончательно спасены для имперіи.

Во внутренней дѣятельности императоръ долженъ былъ больше, чѣмъ это было необходимо въ государственныхъ интересахъ, заботиться о высшемъ дворянствѣ, изъ среды котораго онъ вышелъ, и которое сдѣлало больше всего для его возвышенія и поддержанія. Старый абсолютизмъ подозрительнымъ образомъ эволюционировалъ въ сторону западноевропейскихъ феодальныхъ государствъ, государственная организація которыхъ послужила образцомъ для киликійскаго царства армянскихъ Рубенидовъ. Но при всей своей неутомимой лагерной жизни Алексѣй нашелъ время позаботиться о реорганизациіи юстиціи и полиціи и прежде всего провести блестящимъ образомъ оздоровленіе жестоко разстроенныхъ финансовъ.

Своеобразно отношеніе императора къ клиру. Алексѣй былъ въ религіозномъ отношеніи въ высшей степени ревностнымъ государемъ: онъ самъ велъ глубочайшіе диспуты съ богомилами и павли-

кианами, и кого ему не удавалось обратить въ православіе, того онъ предавалъ огню; онъ преобразовалъ соотвѣтственно требованіямъ времени отчасти уже устарѣвшее распредѣленіе епархій Льва Философа. Однако, при всемъ этомъ онъ преслѣдовалъ и политическую цѣль: вліятельный и богатый клиръ при правильномъ руководствѣ—а императоръ не допускалъ отсутствія строгаго и для духовенства въ высшей степени полезнаго надзора—являлся цѣлительнымъ противовѣсомъ военной знати, непокорной и всегда склонной къ бунту.

Съ удовлетвореніемъ могъ оглянуться старецъ на дѣло своей неутомимой жизни. Изъ глубочайшей анархіи и полнѣйшаго распаденія онъ поднялъ опять государство на ступень, на которой оно могло сохранить искони ему принадлежавшее положеніе великой державы, если и не съ прежней мощью, то все-таки съ честью въ теченіе трехъ поколѣній. Однако, ему не суждено было найти спокойствіе и на смертномъ одрѣ. Его собственная жена, благочестивая Ирина, и его любимица дочь Анна, написавшая „Алексиаду“, осаждали его просьбами посадить на императорскій престолъ мужа Анны кесаря Никифора Вриеннія, вмѣсто давно назначеннаго наслѣдника престола Иоанна. Но упорный старикъ, хотя и ослабленный ревматизмомъ, остался непоколебимымъ; и когда 15 августа

15 авг.
1118

1118 г. онъ умеръ, Иоаннъ сумѣлъ обезпечить себѣ принадлежащій ему тронъ безъ обычныхъ жестокостей и постриженій въ монашество, а только при помощи спокойной рѣшимости.

1118-1143 Иоаннъ II Комнинъ (1118—1143)¹⁾ представляетъ собою типъ превосходнѣйшаго государя. Своимъ мужествомъ и кротостью онъ завоевалъ не только сердца своихъ подданныхъ, которые его поэтому называли Иоанномъ Добрымъ—Калоіоанномъ, но и всѣ западныя извѣстія полны хвалы правителю, который старался идти къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей не съ помощью обычной у грековъ хитрой лживости, а прямымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи онъ совсѣмъ оставилъ привычки своей семьи, какъ это показало выступленіе его родственниковъ. Интриганка императрица-мать, правда, тотчасъ постриглась—лучшее, что она могла сдѣлать. Но сестра Анна, жаждавшая дѣятельности и слегка эмансипированная дама, горько жаловавшаяся на то, что не рождена мужчиной, продолжала конспирировать, хотя ея мужъ, человекъ умный и тяжеловатый, не хотѣлъ ничего знать о престолѣ. Его дядя Исаакъ, генералъ, всегда терпѣвшій пораженія, жилъ со своими сыновьями при дворѣ въ Иконіи. Такъ подстрекаемый самымъ грубымъ образомъ со всѣхъ сторонъ какъ разъ наиболѣе близкими людьми, Иоаннъ держалъ свой дворъ, однако, вдали отъ жесто-

¹⁾ F. Chalandon: Jean II Comnène. (Paris 191: (B. B.)

костей, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ своего друга юности и министра Аксуха, прямого и честнаго турка, въ высшей степени умнаго и полезнаго въ дѣлахъ.

Однимъ совершенно пренебрегла династія Комниновъ—морскимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ въ прежнее время восточноримскій флотъ господствовалъ на морѣ и со времени возрожденія имперіи при македонской династіи занялъ въ высшей степени почетное мѣсто. Правда, что доставлявшая въ прошлыя столѣтія морскихъ героевъ и матросовъ кивиреотская оема была частью сельджукскою, частью спорной запустѣвшей пограничной территоріей. Но острова и берега Эгейскаго моря съ ихъ столь способнымъ къ морскому дѣлу населеніемъ представляли благодарнѣйшій матеріалъ для образованія флота перваго ранга. Что правительство тутъ ничего не сдѣлало, это должно было тяжело отозваться впоследствии.

Иоаннъ далъ греческому національному чувству, оскорбленному заносчивостью венеціанцевъ, выраженіе, нашедшее радостный откликъ въ сердцахъ всѣхъ патріотовъ, когда онъ рѣшительно отказался подтвердить гордымъ купцамъ торговыя привилегіи, вынужденныя у его отца въ дни ужаснаго норманскаго кризиса. Вполнѣ припоминается морская политика Британіи по отношенію къ Даніи, когда венеціанцы сперва упорно демонстрируютъ со своимъ флотомъ, а потомъ грабятъ берега и острова Ионическаго и Эгейскаго морей. Высылка венеціанскихъ купцовъ изъ предѣловъ имперіи очень обострила положеніе. Къ сожалѣнію, восточный Римъ не обладалъ болѣе флотомъ, внушающимъ уваженіе. Когда поэтому дожъ Доменико Микіеле занялъ въ 1126 г. со своимъ флотомъ Кефалонію, Иоаннъ обратился къ посредничеству папы; приманка церковной уніи и на этотъ разъ не осталась безъ вліянія на курію, несмотря на всѣ разочарованія, и такимъ образомъ былъ заключенъ сносный миръ; конечно, несчастный императоръ долженъ былъ торжественно подтвердить привилегіи венеціанцевъ на горе имперіи.

Тѣмъ счастливѣе была континентальная политика Иоанна. Отъ сельджуковъ онъ отнялъ обратно въ 1120 и 1121 г. территорію между Меандромъ и Атталіей. Были завоеваны Фригійская Лаодикія и Созополь, и еще рядъ писидійскихъ и памфилійскихъ городовъ. Освѣвшие въ Сиріи и Палестинѣ пуланы¹⁾, которые промѣняли прежній духъ своихъ отцовъ на чисто восточное коварство, сдѣлали ошибку, сперва предложивъ руку наслѣдницы Антиохіи наслѣдному царевичу Мануилу, а затѣмъ выдавъ ее замужъ за одного франкскаго вельможу. Когда затѣмъ союзники Антиохіи, киликійскіе армяне, начали борьбу съ императоромъ, послѣдній принялся въ 1137 году энергично за дѣло, покорилъ Ки-

¹⁾ Прозвище, данное потомкамъ первыхъ крестоносцевъ. (B. B.)

ликію и принудилъ графа Раймунда Антиохійскаго принести ему присягу на вѣрность. Возстаніе антиохійцевъ и заключенный турками Рума съ Данишмендомъ Сивашскимъ (Севастійскимъ) союзъ заставили императора обратиться на малоазіатское поле

1139 борьбы. Побѣдоносно прошелъ онъ въ 1139 г. до Никсара (Нео-кесаріи) и въ слѣдующіе годы совершенно разгромилъ турокъ.

Со временъ Алексѣя съ мадьярами установились самыя дружелюбныя отношенія; мадьяры сдѣлали со времени принятія ими христіанства большіе культурные успѣхи сравнительно съ родственными имъ печенѣгами и половцами; даже жена Іоанна была венгерской принцессой. Но только узурпація со стороны принца Альмуса, который свергнулъ съ престола дружественнаго восточному Риму короля Коломана и ослѣпилъ его сына Велу, чтобы обезпечить корону своему собственному сыну Стефану II,

1124 вызвала въ 1124 г. вмѣшательство византійскаго императора въ интересахъ несчастнаго Бела. Мадьяры, въ началѣ одерживавшіе побѣды, были затѣмъ на голову разбиты императоромъ при Храмѣ на Дунаѣ. Важный стратегическій пунктъ Браничова остался въ

1126 рукахъ византійцевъ, согласно заключенному въ 1126 г. миру.

Уже ранѣе императоръ основательно расправился съ раз-

1122 бойничьимъ народомъ печенѣговъ. Въ 1122 г. они перешли Дунай, но нашли балканскіе проходы хорошо охраняемыми. Весною

1123 1123 г. онъ такъ ихъ разбилъ, что имя этого бича дунайской области исчезло изъ исторіи.

Послѣдніе подвиги императора были направлены на обратное завоеваніе Сиріи. Предпріятія Никифора и Цимисхія, были образцами для этого героя. Послѣ того какъ успѣхи 1142 г. ни въ коемъ случаѣ не оказались соответствующими его ожиданіямъ, онъ сталъ готовить походъ въ большихъ размѣрахъ. Случаю угодно было, чтобы онъ ранилъ себя смертельно во время охоты на кабановъ въ мѣстностяхъ киликійскаго Тавра. Вѣрный Аксухъ тотчасъ по-

спѣшилъ въ столицу, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе наслѣдному

8 апр. 1143 закончилъ въ цвѣтѣ силъ свой геройскій жизненный путь, ему безъ

1143-1180 противодѣйствій наслѣдовалъ его сынъ Мануиль I (1143—1180). Въ

1180 этомъ благородномъ, духовно высоко одаренномъ и тѣлесно столь же прекрасномъ, какъ исполински сильномъ, отпрыскѣ Комниновъ нашла себѣ выраженіе чисто западная черта, правда, въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ у его отца. Мануиль былъ идеаломъ рыцаря по франкскимъ взглядамъ. Чисто рыцарской была также та фантазія, которая, въ противоположность холодно разсудочной реальной политикѣ отца и дѣда, строила планы высокаго полета, гналась за недостижимыми цѣлями и не мало способствовала при всемъ внѣшнемъ блескѣ позднѣйшей страшной ката-

вель непрестанно переговоры съ Римомъ и армянами о соединеніи церквей; но единственнымъ ихъ результатомъ была необъятная полемическая литература на различныхъ языкахъ разъединенныхъ между собою вѣрующихъ.

Для императора Мануила характерно его пристрастіе къ латинянамъ, стоящее въ связи съ западническимъ направленіемъ его духа. Обѣ его супруги были западныя принцессы, и для своихъ дѣтей онъ искалъ также свойства съ дворами Запада. Солдаты его гвардіи набирались все въ болѣе растущемъ количествѣ между смѣлыми воинственными германскими, романскими и славянскими народами. Точно также въ администраціи часто находили мѣста, надежные жители Запада, у которыхъ подкупъ и утайка не были столь обычными, какъ у ромеевъ. Необычнымъ расцвѣтомъ тогдашнихъ государственныхъ финансовъ императоръ ромеевъ былъ обязанъ этимъ честнымъ иностранцамъ, быть можетъ, въ той же степени, какъ повелитель Небесной имперіи—англійскимъ служащимъ шанхайской таможни. Къ высоко привилегированнымъ итальянскимъ купцамъ Венеціи и Пизы присоединились еще по договору 1155 г. генуэзцы, какъ ревностные и вскорѣ удачливые конкуренты. Все это дѣлаетъ для насъ понятнымъ, что у греческаго народа укрѣпилась большая ненависть по отношенію къ латинянамъ.

Пока политика Мануила держалась на испытанныхъ путяхъ его отца, счастье ему всячески благопріятствовало. Онъ положилъ рѣшительный и крайне унижительный конецъ вызовамъ гордаго и горячаго графа Раймунда Антиохійскаго: у мавзолея Калоіоанна тотъ долженъ былъ вновь признать себя покорнымъ вассаломъ императора ромеевъ. Сельджуковъ Рума онъ прогналъ до Иконіи. Равнымъ образомъ въ опасномъ кризисѣ во время второго крестоваго похода (1147—1149) онъ выказалъ глубокой политической смыслъ. 1147-1149 Было понятно, что императоръ ромеевъ смотритъ съ весьма смѣшанными чувствами на приближеніе той бушующей лавины народовъ, которую привело въ движеніе страшное возбужденіе общественнаго мнѣнія Запада послѣ паденія Эдессы въ 1144 г. Ихъ 1144 переходъ черезъ восточныя епархіи ромейскаго государства, систематически высасываемыя печенѣгами, половцами и другими подобными народами, былъ общественнымъ бѣдствіемъ; и французы, вступившіе лишь осенью 1147 г., совсѣмъ несправедливо жаловались 1148 на скупость и обманъ греческаго правительства и населенія, такъ какъ проходившіе въ срединѣ лѣта того же года нѣмцы въ высшей степени истощили страну. Съ императоромъ Конрадомъ III дѣло сошло сносно: вѣдь оба государя были другъ съ другомъ въ свойствѣ, что впрочемъ не воспрепятствовало имъ предпочесть избѣгать взаимнаго посѣщенія при проходѣ Конрада черезъ столицу, чтобы не навести тѣни на ихъ ранги и достоинство. Не было, конечно, недостатка въ треніяхъ между

грубой нѣмецкой арміей и вовсе не кроткими туземцами. Но въ общемъ переправа въ Азію прошла безъ серьезныхъ несогласій. Съ французами дѣло обстояло гораздо хуже. Если уже во время перехода черезъ Фракію они были въ высшей степени недовольны оказаннымъ греками приемомъ, то у стѣнъ столицы дѣло почти дошло до открытаго разрыва. Въ главной французской квартирѣ уже обсуждался планъ взятія штурмомъ Константинополя; но помѣшала этому недостойному исходу греческая дипломатія и серьезность искренне благочестиваго короля Людовика VII, который никогда не упускалъ изъ виду настоящей цѣли этой войны за Божье дѣло. Печальная катастрофа, постигшая раздѣльно идущее и поэтому раздѣльно попадающее подъ удары иконійскихъ сельджуковъ крестonosное войско, и неудачная экспедиція послѣдняго противъ Дамаска не относятся къ предмету нашего изложенія. Императоръ Мануилъ

1149 могъ разсматривать, какъ выигрышь, заключенный въ 1149 г. въ Солуни союзъ съ германскимъ императоромъ противъ норманновъ. Жалкіе франкскіе князья въ Сиріи, покинутые Западомъ, были вынуждены серьезно считаться съ Мануиломъ, какъ только его перестали беспокоить норманны. Правда, съ Балдуиномъ III Иерусалимскимъ у Мануила существовало сердечное согласіе. Но

1159 онъ долженъ былъ еще разъ навести походомъ 1159 года страшную грозу на все время дурно управляемое Антиохійское государство, гдѣ съ 1153 г. правилъ грубый и безпутный Раймундъ Шатильонскій. Этотъ послѣдній, а также и его армянскіе союзники были вновь приведены въ ленную зависимость отъ грековъ. Послѣ смерти императрицы Ирины (Берты Зульцбахской)

1161 Мануилъ женился въ 1161 г. на славившейся своей красотой принцессѣ Маріи Антиохійской. Съ Нур-ад-диномъ, самымъ могущественнымъ монархомъ Передней Азіи, онъ заключилъ выгодный для палестинскихъ христіанъ миръ. И съ преемникомъ Балдуиномъ III, королемъ Амальрихомъ Иерусалимскимъ, Мануилъ

1169 находился въ превосходныхъ отношеніяхъ. Въ 1169 г. греческій флотъ въ 200 судовъ поддержалъ неудачную экспедицію Амальриха противъ Даміетты.

Положеніе на сѣверѣ стало менѣе опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ дикія варварскія орды были частью истреблены, частью укрощены. Съ мадьярами дѣло дошло до конфликта, такъ какъ они поддерживали стремленія къ эмансипации со стороны скорѣе, правда, фиктивныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ подданныхъ имперіи въ Сер-

1152-бии и Босніи. Греки отняли важный Зевгинъ и въ общемъ

1154 вели съ честью войну 1152—1154 гг. Въ 1162 г. Мануилъ

1162 вмѣшался въ непрестанные династическіе споры Арпадидовъ

1165 въ пользу принцевъ, родственныхъ ему по женѣ. Въ 1165 г. были завоеваны Зевгинъ и Сирмій и приобрѣтена на недолгое время венгерская Далмація, потерянная для имперіи со временъ

Ираклія. Блестящая побѣда Андроника Контостефана 18 июля 1167 г. заставила венгровъ въ 1168 г. заключить полный славы 1167 для восточнаго Рима миръ. Покровительствуемый Византіей претендентъ Бела III (1173—1196) скорѣ дѣйствительно достигъ 1173-власти, и Венгрія стала во время его правленія въ политическую 1196 и культурную зависимость отъ имперіи ромеевъ.

Въ 1151 г. и свободные сербы должны были поплатиться за 1151 то, что вступили въ сношеніе съ наследственнымъ врагомъ ромеевъ, норманнами. Счастливый походъ императора сдѣлалъ короля Примислава византійскимъ вассаломъ. Съ хитрымъ и гибкимъ великимъ жупаномъ Стефаномъ Нѣманей, основателемъ могущественной великосербской династіи, дѣло не доходило, по крайней мѣрѣ, до серьезныхъ недоразумѣній. Однако, при всемъ внѣшнемъ блескѣ эти успѣхи не имѣли залога прочности, какъ это доказало происшедшее спустя едва лишь одно поколѣніе большое славянское возстаніе.

Главная опасность угрожала имперіи, какъ и во времена дѣда, со стороны норманновъ, и нельзя отрицать, что главная вина падаетъ здѣсь на самого императора Мануила. Король Рожеръ искалъ для своего сына Вильгельма брачнаго союза съ византійскимъ императорскимъ домомъ. Но Мануилъ кассировалъ въ надменной византійской гордости, тогда уже давно несвоевременной, заключенный его посломъ въ Палермо договоръ и велѣлъ казнить несчастнаго дипломата, какъ подкуленнаго, будто-бы, Рожеромъ; этимъ онъ вызвалъ безмѣрный гнѣвъ послѣдняго, нанесшій имперіи неизлѣчимую рану. Рожеръ быстро заключилъ миръ съ африканскими мусульманами, и его адмиралъ Христодулъ собралъ въ 1147 г. у Бриндизи флотъ, относительно котораго не 1147 знали, предназначенъ ли онъ для перевозки крестonosцевъ въ Палестину, или для нападенія на Византійскую имперію. Вскорѣ флотъ поплылъ къ Корфу, гдѣ обычныя жалобы на суровую податную тяготу подготовили возстаніе, и гдѣ норманновъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. Напротивъ, попытка нападенія на богатый торговый пунктъ Монемвасію, не удалась. Послѣ опустошенія Эвбеи и Аттики сицилійскій флотъ опять направился къ западу, чтобы послѣ разгрома акарнано-этолійскаго побережья произвести высадку въ Крисъ и направить десантъ прямо на Оивы. Тогдашніе Оивы вслѣдствіе своего шелковаго и цурпурнаго производства были однимъ изъ самыхъ богатыхъ промышленныхъ городовъ имперіи. Норманны произвели здѣсь основательное опустошеніе. Было захвачено не только золото, серебро, церковныя драгоценности, но и обильно накопленные въ магазинахъ запасы товаровъ. Тюки шелка и крашенная кожа были отправлены въ большомъ количествѣ на корабли. Несчастные жители должны были присягать въ томъ, что не утаили ничего изъ своего имущества. Несмотря

на это, много знати было взято съ цѣлью вынудить выкупъ; среди рабочихъ шелковой мануфактуры была произведена выборка, и самыя опытные переселены въ Сицилію.

Изъ Віотіи норманны направились къ Коринѳу. Никифоръ Калуфъ сдалъ по первому требованію неприступный Акрокоринѳъ, такъ что самъ сицилійскій адмиралъ воскликнулъ, что онъ борется подъ покровительствомъ неба, которое сдѣлало коменданта пугливымъ подобно молодой дѣвушкѣ. И этотъ промышленный городъ былъ основательно разгромленъ; были взяты даже реликвіи церквей, и среди уведенныхъ плѣнныхъ опять находились въ большомъ количествѣ ремесленники. Цѣлью норманновъ была не длительная оккупация, но только систематическій грабежъ. Цвѣтушей торговлѣ и богатой промышленности Эллады и Пелопоннеса былъ этимъ путемъ нанесенъ смертельный ударъ, отъ котораго онѣ уже болѣе не оправились. Мануфактурныя рабочіе изъ Коринѳа и Фивъ при возвращеніи въ Сицилію были поселены со своими семействами въ Палермо; и ихъ держали въ высшей степени свободно, такъ что новая отрасль промышленности быстро испытала неожиданный подъемъ. Теперь въ норманнскомъ государствѣ была создана ставшая быстро опасной конкуренція съ ревностно оберегаемой государственнымъ путемъ и сохраняемой въ величайшей тайнѣ монополіей Византійской имперіи—производствомъ роскошныхъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій.

Осложненія на Дунаѣ помѣшали императору отомстить Рожеру. Но венеціанцы, въ благодарность за расширение права беспошлинной торговли на Критъ и Кипръ, поддержали императора своимъ флотомъ при осадѣ Корфу. Несмотря на упорное сопротивленіе норманновъ, крѣпость пала въ 1149 г.

Мануилъ перенесъ теперь войну въ Италію: это было единственнымъ средствомъ избавиться отъ норманнскихъ корсаровъ, которые простирали свои пиратскіе набѣги до мѣстностей, близкихъ къ Константинополю. Въ 1151 г. онъ занялъ на время Анкону, что очень взволновало даже его старыхъ друзей—венеціанцевъ. Разбитый вновь въ 1154 г. норманнами, Мануилъ вступилъ въ переговоры съ папой и западнымъ императоромъ; но оба послѣдніе не могли и не должны были изъ собственного интереса поддерживать его планы утвержденія имперіи въ Италіи: Западъ не хотѣлъ болѣе знать о греческой Италіи. Попытки стать твердой ногой въ Апуліи также рушились плачевно: греческій флотъ терпѣлъ только поражения, и норманны снова безпрепятственно грабили въ греческихъ водахъ. Но занявшій въ 1154 г. престолъ своего отца Вильгельмъ I не былъ Рожеромъ, и такъ, наконецъ, дошло въ 1158 г. до довольно сноснаго еще для грековъ мира.

1170 Судьба отца не научила сына. Въ 1170 г. дошло до откры-

таго разрыва съ могущественной Венеціей. Захватъ всѣхъ венеціанскихъ товаровъ и арестъ венеціанцевъ въ предѣлахъ имперіи въ 1171 г. вызвали бурю негодованія въ городѣ лагунъ. Въ 1171 г. 1171 лично руководимый дожемъ Витале Микіеле II венеціанскій флотъ разрушилъ Траву и подчинилъ Рагузу верховенству республики. Затѣмъ онъ направился въ Эгейское море, и съ Хиоса дождь началъ переговоры съ императоромъ. Но губительная зараза принудила венеціанцевъ къ быстрому возвращенію. Ихъ попытка вырваться въ 1173 г. совмѣстно съ нѣмецкимъ предводителемъ, майнц- 1173 кимъ архіепископомъ Христіаномъ у грековъ Анкону разбилась о помощь, которую ломбардцы оказали сильно стѣсненному городу. Но когда по инициативѣ врага грековъ Энрико Дандоло Венеція заключила союзъ съ Вильгельмомъ II Сицилійскимъ, Мануилъ уступилъ: венеціанцы были опять торжественно введены въ обладаніе всѣми своими привилегіями и получили полтора милліона дукатовъ военного вознагражденія.

Болѣе всего Мануилъ повредилъ имперіи своимъ планомъ политическаго будущаго, въ которомъ неисправимый византіецъ все еще гнался за юстиніановскими мечтаніями объ универсальномъ господствѣ. Искусство его дипломатовъ должно было создать настроеніе и завязать сношенія прежде всего въ Италіи съ куріей, а затѣмъ по очереди со всѣми врагами западнаго римскаго императора. Онъ встрѣтилъ между тѣмъ мало взаимности у государей. Напротивъ того, съ ломбардскими городами онъ вступилъ съ 1169 г. въ близкія отношенія. Венеція получила греческую субсидію, а Анкона въ 1167 г. получила греческій гарнизонъ. Императоръ старался прежде всего перетянуть на свою сторону умнаго и предприимчиваго папу Александра III во время глубокой вражды послѣдняго съ Барбароссою, общая папѣ унію восточной и западной церкви подъ условіемъ коронованія его также императоромъ Запада. Императоръ принялся въ данномъ случаѣ за дѣло необычайно серьезно; греческій синодъ долженъ былъ найти формулу объ исхожденіи Св. Духа, соответствующую ученію Запада; но православный клиръ съ патріархомъ во главѣ былъ въ этомъ отношеніи непоколебимымъ. Папа тоже не согласился на коронованіе императора: незалѣчимый разрывъ съ германской имперіей не входилъ въ его интересы, и онъ даже не могъ бы осмѣлиться на него. Практически ничего не было достигнуто; императоръ переживалъ разочарованія за разочарованіями. Хуже всего было то, что эти утопическія мечтанія принесли съ собою очень реальныя послѣдствія: они испортили указанная самой природой политическія отношенія. Фантастическая міровая имперская политика Мануила разлучила его со старымъ союзникомъ его предковъ, императоромъ Запада: въ то время какъ общая вражда къ норманнамъ могла бы такъ сказать съ естественной необходи-

мостью вести рядомъ имперіи Востока и Запада, дипломаты Мануила должны были съ величайшей послѣдовательностью продолжать свои бесплодныя заигрыванія у враговъ Германіи. Эти излюбленныя романтическія идеи отняли у имперіи ея старыя испытанныя связи и не доставили ей ни одного новаго надежнаго союза. Чѣмъ болѣе росла слабость имперіи, тѣмъ рѣшительнѣе она зависѣла отъ благожелательства болѣе значительныхъ сосѣдей. А вмѣсто того политика императора все болѣе изолировала имперію. Мануиль сильно сталъ чувствовать перемену настроенія Германіи съ тѣхъ поръ, какъ венеціанскій миръ 1177 г. примирилъ германскаго императора съ Римомъ и ломбардцами. Барбаросса вступилъ въ дружественныя дипломатическія сношенія съ наследственными врагами Византіи Кылычъ-Арсланомъ Румскимъ и великимъ курдомъ Саладиномъ. Отношенія къ Руму были какъ разъ очень натянутыми въ послѣдній періодъ 1156-1193-правленія Мануила. Кылычъ-Арсланъ II (1156—1193) вначалѣ присягнулъ императору и поставлялъ вспомогательныя отряды, но понемногу, двойственностью и открытымъ разрывомъ договора, онъ становился сосѣдомъ, въ высшей степени тягостнымъ для византійцевъ. Въ 1176 г. Мануиль вторгнулся въ султанатъ. Но въ южной Фригіи недалеко отъ легендарныхъ Келанъ у замка Миріокефала главная армія императора потерпѣла кровавое поражение; съ трудомъ могъ пробиться императоръ къ авангарду, который остался невредимымъ, равно какъ и арьергардъ удачно вышелъ изъ боя подъ превосходныхъ руководствомъ Андроника Контостефана. Кылычъ-Арсланъ предложилъ, несмотря на побѣду, умѣренные условія мира, которыя Мануиль принялъ, но не выполнилъ. Поэтому сельджуки возобновили въ 1177 г. войну. Однако, ихъ сѣверная армія, осаждавшая Клавдіополь въ Виоиніи, была разбита самимъ Мануиломъ, въ то время какъ южная армія, которая шла черезъ долину Меандра къ Эгейскому морю, потерпѣла полное пораженіе отъ Іоанна Ватаца. И такимъ образомъ вскорѣ былъ заключенъ довольно благопріятный для восточнаго Рима миръ. Это было послѣднимъ военнымъ предпріятіемъ неутомимаго монарха, который подобно своему отцу преждевременно скончался 24 сентября 1180 г. лишь 58 лѣтъ отъ роду.

Вслѣдствіе несовершеннолѣтія сына Мануила **Алексѣя II** правленіе взяли въ свои руки императрица-мать Марія и протосевасть Алексѣй, двоюродный братъ императора. Ихъ политика двигалась по тѣмъ же латинофильскимъ путямъ, хотя въ народѣ и въ клирѣ давно бродила глухая злоба дикаго латиноненавистничества, и только сильная рука Мануила могла до сихъ поръ сдержать эти національно-эллинскія стремленія.

Тогда во главѣ экзальтированныхъ націоналистовъ сталъ

Андроникъ Комнинъ, „геніальнѣйшій безпутникъ“ („ingeniosissime peccator“). Обладай этотъ во всѣхъ отношеніяхъ геніальный человекъ нравственной дисциплиной и внутренней сдержкой, онъ могъ бы стать политическимъ и духовнымъ спасителемъ и возродителемъ ромейскаго народа. Андроникъ, прирожденный властитель, равно великій полководецъ и политикъ, ораторъ Божіею милостію, соединялъ въ себѣ всѣ тѣ добродѣтели, которыя считали самыми благородными и достойными восхищенія задающіе тонъ тогдашней аристократіи круги Востока и Запада, люди турнировъ и спорта. Онъ былъ, подобно своему двоюродному брату Мануилу, человекъ рѣдкой красоты и геркулесовской силы, рыцаремъ безъ страха и упрека, съ чувствомъ знатока предающимся охотѣ, опытный во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, съ привыкшимъ съ юности къ всевозможнымъ невздамъ тѣломъ. Такой человекъ долженъ былъ стать идоломъ для солдатъ и дворянъ. Для принцевъ турецкихъ, сѣверныхъ и сирійскихъ дворовъ, которые онъ посѣтилъ во время своей столь богатой приключеніями жизни, онъ былъ вызывавшимъ всеобщее удивленіе образцомъ княжеской элегантности и благороднаго обращенія. Но изъ гнилого корня не можетъ вырасти здоровое дерево. Его отецъ Исаакъ былъ тѣмъ національно безразличнымъ братомъ Калоіоанна, который почти измѣнникомъ провелъ большую часть своей жизни при румскомъ дворѣ, и если не сдѣлался магометаниномъ, то сталъ, однако, индифферентнымъ въ церковномъ отношеніи и тѣмъ самымъ естественно также морально безпринципнымъ человекомъ. Окаменѣвшая ортодоксія тогдашней эпохи не имѣла тогда болѣе ни на Востокѣ, ни на Западѣ силы воспитывать христіанъ также и морально: серьезные и дѣйствительно благочестивые люди обращались на Востокѣ къ богومیламъ, на Западѣ къ патаренамъ и альбигойцамъ. Въ ряды знати и высшихъ общественныхъ слоевъ ворвалось полное религиозное безразличіе, которое считало всѣ положительныя вѣроученія, будь то Тора, будь то Евангеліе или Коранъ, равноцѣнными или даже прямымъ человѣческимъ обманомъ; это мировоззрѣніе съ естественной необходимостью вело къ разрушенію всѣхъ нравственныхъ чувствъ и самому легкомысленному пользованію наслажденіями со стороны духовно высоко одаренныхъ людей. Доказательствомъ этому служатъ тамплиеры среди латинянъ и принцы комниновскаго дома среди грековъ. Съ новымъ столѣтіемъ наступило улучшение. Духовное возрожденіе вызвало въ католическихъ странахъ воистину великій и воистину святой Францискъ Ассизскій своею произведшей мировое впечатлѣніе проповѣдью христіанской бѣдности, а греческое общество несомнѣнно пережило въ XIII в. оздоровительный нравственный процессъ. Страшное національное несчастіе крушенія имперіи имѣло слѣдствіемъ для благородной эллинской націи очищающій процессъ, какъ на малороссовъ такъ же воздѣйствовало въ началѣ

XVII в. польское засилье. Но мы еще далеки хронологически от этого духовного переворота. Ко времени смерти Мануила греческое общество находилось еще въ расцвѣтѣ своей грѣховности, и его совершеннѣйшій образецъ—Андроникъ Комнинъ. Его блестящія дарованія были вполне цѣнны для двоюроднымъ братомъ Мануиломъ, и съ удивительной снисходительностью послѣдній все вновь оказывалъ ему милость и вновь употреблялъ его на службу имперіи послѣ самаго горькаго опыта. Но пылкое честолюбіе этого пламеннаго духа не считалось ни съ какими обстоятельствами и вело Андроника къ безсовѣстной неразборчивости въ выборѣ средствъ. Будучи намѣстникомъ на сербской границѣ, онъ измѣннически завязалъ сношенія съ мадьярами; предводительствуя въ Киликіи, онъ такъ грубо нарушилъ изъ личной злобы свои обязанности, что долженъ былъ бѣжать въ Сирію; дворамъ Багдада и Дамаска онъ выдалъ греческія государственныя тайны; иконійскому султану онъ далъ воспользоваться собою такъ, какъ Давидъ филистимлянамъ. Изъ своего разбойничьяго замка онъ велъ войну на пограничной греческой территории и передавалъ плѣнныхъ христіанъ въ качествѣ рабовъ своему покровителю султану. И все-таки благородный Мануилъ простилъ его: послѣ того какъ Андроникъ, который вѣроятно о клятвахъ думалъ такъ же, какъ нѣкогда Лизандръ, торжественно поклялся ему блюсти всегда интересы его и его сына, ему былъ переданъ съ доходами богатый городъ Эней въ Пафлагоніи. Но Андроника морально убила его неудержная чувственная страсть, которой онъ жертвовалъ всею остальнымъ, и которая отравила въ немъ все лучшія побужденія. Притомъ онъ обладалъ подкупающей любезностью и какимъ-то демоническимъ обаяніемъ, подъ влияніе котораго безнадежно поддавалъ всякій, кого онъ завлекалъ въ свои сѣти; въ этомъ отношеніи онъ можетъ сравниться только съ обоими гениальными преступниками XVI в., напою Александромъ VI и его сыномъ Цезаремъ Борджіа. Особенно женщины были преданы ему на жизнь и на смерть: прекрасныя царевны его дома, женщины греческаго дворянства и французскихъ княжескихъ дворовъ Сиріи и Палестины дарили его попеременно своимъ благоволеніемъ. Настоящая вѣрность и горячая любовь нашлись у него только для одной: для іерусалимской королевы-вдовы Теодоры изъ дома Комниновъ, его близкой родственницы. Оба сохраняли по отношенію другъ къ другу трогательную вѣрность, вмѣстѣ питались хлѣбомъ изгнанія и стойко выдерживали проклятія духовенства (какъ вступившіе въ бракъ родственники); но оба находились, какъ нѣкогда Антоній и Клеопатра, въ возрастѣ, когда подобныя любовныя приключенія вызываютъ только улыбку. Таковъ былъ этотъ удивительный человѣкъ, котораго мы не можемъ измѣрить нашимъ обычнымъ

масштабомъ. Однако, одно остается несомнѣннымъ: моральная безпринципность сдѣлала его проклятіемъ имперіи, человѣка, который могъ быть для нея благословеніемъ.

2 мая 1182 г. вспыхнуло возстаніе противъ франкской регентши Маріи. Національно настроенная часть народа и дворянства, а также и православный клиръ объявили спасителемъ государства 67-лѣтняго Андроника Комнина. Онъ появился передъ Халкидономъ, чтобы избавить молодого императора отъ его плохихъ совѣтниковъ. То, что латиняне предоставили себя въ распоряженіе правительства, имѣло своимъ слѣдствіемъ переходъ къ возмущившимся побѣдоноснаго героя Андроника Контостефана и его флота. Произошелъ рѣшительный взрывъ національной ненависти. Латинскіе кварталы подверглись нападенію толпы. Со свойственною грекамъ страстью къ убійствамъ были продѣланы ужаснѣйшія жестокости по отношенію къ мужчинамъ и женщинамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, даже къ дѣтямъ и больнымъ. Шаблонная всемірная исторія слишкомъ легко поддается влиянію конечнаго результата и поэтому совершенно аналогичныя дѣйствія она оцѣниваетъ діаметрально противоположнымъ образомъ: „сицилійская вечерня“ считается благороднымъ освободительнымъ актомъ, а для подобныхъ же дѣйствій малоазіатовъ во время Митридата Великаго, сипаевъ въ Индіи и грековъ въ 1182 г. 1182 нашлись слова только самаго суроваго осужденія. Какъ ни справедливо послѣднее, надо все-таки считаться со вскормленною поколѣніями ненавистью народа, высасываемаго и притѣсняемаго безсовѣстными купцами и капиталистами. Эта дикая національная ненависть, которой греки дали такое отвратительное выраженіе, не явилась случайно, но была вызвана ни съ чѣмъ не считающимся поведеніемъ латинянь: послѣдніе испытали то, что заслужили своими дѣлами. Презираемые „туземцы“ пошли еще разъ, хотя и напрасно, противъ неумолимой судьбы.

Андроникъ „Освободитель“ былъ теперь всемогущимъ регентомъ. Въ октябрѣ 1183 г. онъ былъ коронованъ соимператоромъ; 1183 въ сентябрѣ 1184 г. несчастный Алексѣй былъ задушенъ. Все 1184 правленіе Андроника I Комнина представляетъ изъ себя ужасную цѣпь арестовъ, ослѣпленій, казней и конфискацій. Эта столь претящая намъ сторона византизма, казалось на первый взглядъ, но, конечно, только на первый взглядъ, воплотилась въ старикъ, который къ тому же разыгрывалъ роль благочестиваго. Фалльмерайеръ далъ впервые правильную оцѣнку его. Тогдашняя ромейская имперія такъ была разъядена и такъ подгнила до самыхъ своихъ основъ, что ее можно было исцѣлить только путемъ примѣненія геройскихъ средствъ. Все болѣе и болѣе развивающійся со временъ македонской династіи феодализмъ былъ зломъ, разъядающимъ имперію. Крупное дворянское землевладѣніе было безспорно на пути къ уничтоженію свободного крестьянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушенію той основы,

на которой покоился государственный бытъ. Андроника можно сравнить съ императоромъ Тиверіемъ: его ярость и кровавые приговоры были направлены почти исключительно на императорскій домъ, на высшую военную и административную знать. Послѣдняя безусловно заслужила того, чтобы произвести чистку въ ея гнилыхъ рядахъ. Если бы ему было суждено дольше дѣйствовать, онъ возстановилъ бы просвѣщенный деспотизмъ императоровъ VIII вѣка и положилъ бы такой же конецъ византійскому феодализму, какъ Цезарь Борджіа господству бароновъ въ церковной области. Андроникъ имѣлъ задатки, чтобы стать при другихъ обстоятельствахъ и съ болѣе серьезнымъ чувствомъ монархическаго долга вторымъ Василіемъ Болгаробойцей. Историю Андроника писали жестоко уязвленные имъ враги аристократы, но и они, однако, не могутъ отрицать, что его управленіе внутренними дѣлами было прямо таки образцовымъ: податная тягость была облегчена, покупка должностей отмѣнена; роскошныя и дорогія придворныя празднества прекратились; судьями онъ назначалъ честныхъ и неподкупныхъ людей; податнымъ и таможеннымъ чиновникамъ онъ повысилъ жалованье, чтобы сдѣлать ихъ менѣе доступными подкупу. При томъ онъ самъ былъ въ высшей степени общителенъ: самый малый имѣлъ къ нему свободный доступъ. Можетъ показаться, что старый императоръ какъ-будто хотѣлъ своимъ образцовымъ правленіемъ похоронить память о страшныхъ преступленіяхъ своей юности и вступленія на престолъ; онъ былъ на лучшемъ пути, чтобы стать популярнымъ и въ провинціяхъ, когда вспыхнулъ мятежъ, вдохновляемый азіатскимъ дворянствомъ и руководимый очень вліятельнымъ домомъ Ангеловъ. Феодальное дворянство боролось за свое существованіе: новый вводимый Андроникомъ режимъ означалъ его уничтоженіе. Лопадій, Никея, Пруса отпали; но первый былъ обратно завоеванъ зимою 1185 г. Алексѣемъ Враной, остальные города лично выступившимъ весною въ походъ императоромъ. Возмутившихся повстанцевъ постигла суровая по заслугамъ кара; только Исаака Ангела Андроникъ пощадилъ на свою гибель. Исаакъ Комнинъ, по боковой линіи происходившій изъ императорскаго дома, побудилъ Кипръ отпасть и въ 1184 г. объявилъ себя независимымъ самодержцемъ. Но подобные бунты были обычнымъ явленіемъ въ Византіи, и они не погубили бы Андроника. Опасность пришла съ Запада.

Вскорѣ послѣ кровавой константинопольской бани 1182 г. убѣжавшіе на своихъ судахъ итальянцы начали пиратскую войну, грабя побережье до Солуны и предавая огню церкви и монастыри. Но венеціанскіе и пизанскіе купцы бездѣйствовали. Тѣмъ энергичнѣе вооружался Вильгельмъ II Сицилійскій (1166—1189). Въ іюнь 1189 1185 г. къ Диррахію поплыла армада изъ 200 судовъ подъ пред-

водителемъ адмирала Маргаритоне и графа Танкреда Лекскаго, впоследствии послѣдняго норманнскаго короля. Греческій генералъ Іоаннъ Врана не осмѣлился сразиться съ сильной и испытанной въ бояхъ норманнской арміей. Диррахій былъ взятъ штурмомъ. Тогда нападающія войска раздѣлились: сухопутная армія пошла безъ остановокъ на Солунь, а 15 августа передъ гаванью этого второго по значенію города имперіи появился и флотъ. Многочисленные не-греки въ средѣ населенія были ненадежны. 24 августа графъ Альдоино взялъ штурмомъ нижній городъ, и латиняне помня о вечернѣ 1182 г. страшно отомстили грекамъ. Эти ручьи крови, пролитые тогдашней національной ненавистью, сдѣлали незалѣчимымъ навсегда разрывъ между половинами культурнаго міра.

Подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій, въ Константинополѣ произошла перемѣна настроенія. Дворянство и привилегированные, сдерживаемые въ своемъ хищничествѣ императоромъ, давно мечтали о мести. Но когда онъ ограничилъ издержки на общественныя игры и не сталъ удостаивать ихъ, какъ это было принято, своимъ присутствіемъ, заропталъ и народъ, для котораго онъ былъ любимцемъ до тѣхъ поръ, пока демагогически потворствовалъ его разнузданнымъ страстямъ. Андроникъ въ своемъ пренебреженіи къ людямъ не оцѣнилъ грозившей ему опасности. Въ воздухѣ рѣяла буря, и изъ-за мелочи разразился неудержимый ураганъ. Императоръ пощадилъ главу дома Ангеловъ, трусливаго и безхарактернаго Исаака, считая его вполне безопаснымъ. Завѣдующій полиціей Агіохристоритъ хотѣлъ арестовать Исаака на основаніи собственныхъ полномочій. Но послѣдній со смѣлостью смертельнаго отчаянія бѣжалъ въ убѣжище св. Софіи. Всѣ слои населенія стекались туда; произошли—неслыханное событіе—бурные выборы императора народомъ.

12 сентября 1185 г. Исаакъ Ангелъ былъ провозглашенъ императоромъ. Андроникъ лишь теперь посѣдѣлъ въ столицу изъ своей мелодійской дачи. При остротѣ своего не обманывающагося взгляда, онъ не строилъ себѣ никакихъ иллюзій: онъ понималъ, что все потеряно, и хотѣлъ бѣжать на кораблѣ въ Россію. Но задержанный неблагоприятными вѣтрами, онъ попалъ въ руки сыщиковъ Исаака. Исаакъ показалъ свое полное отсутствіе честности, когда онъ прежде всего допустилъ при дворѣ оскорбительныя дѣйствія надъ сверженнымъ и скованнымъ противникомъ со стороны смертельно враждебной ему знати. Въ тюрьмѣ Андроникъ отрубили правую руку и выкололи одинъ глазъ. Вслѣдъ за тѣмъ состоялось шумное шествіе по улицамъ столицы, и безчеловѣчная толпа, среди которой, какъ въ эпоху французской революціи, женщины совершали самое отвратительное, могла насытить на бѣдной жертвѣ свою животную жестокость. Наконецъ, ужасно изувѣченнаго, еще дышащаго старика повѣсили за обѣ

12 сен.
1185

ноги на ипподромѣ. У него не вырвалось ни одного звука страданія. Безостановочно только повторялъ онъ слова: „Господи, помилуй меня; зачѣмъ вы сокрушаете сломанную трость!“ Со смертью Андроника греческую народность постигла та судьба, которую она заслужила.

1185-1195 Итакъ, **Исаакъ II Ангель (1185—1195)**, олицетворенная злая совѣсть, усѣлся на подгнившемъ императорскомъ тронѣ. Прежде всего онъ долженъ былъ пойти навстрѣчу норманнской опасности, вызванной греческимъ національнымъ подъемомъ. Но опасность оказалась менѣе значительной, чѣмъ полагали. Безпутная жизнь и обильное потребленіе винограда вызвали среди норманновъ злокачественныя болѣзни, отъ которыхъ ихъ войска сильно порѣдѣли. Къ этому присоединились задоръ и беззаботность, которымъ суждено было привести къ гибели прежнихъ побѣдителей. Исаакъ былъ настолько уменъ, чтобы поставить во главѣ оборонительной арміи лучшаго греческаго генерала **Алексѣя Врану**. Послѣ удачнаго сраженія при Мосинополѣ, послѣдній одержалъ **7 нояб. 1185** кровавую побѣду при Димитрицѣ, которая отдала въ его руки норманнскихъ предводителей и 4000 человекъ; остатки спаслись въ паническомъ бѣгствѣ въ Солунь, а отсюда въ Диррахій или на свои корабли. Въ **1186** г. владѣнія норманновъ были ограничены Диррахіемъ и іоническими островами. Но Диррахій и даже Корфу **1191** греки снова приобрѣли въ **1191** г. Только Кефалонія и Закинѳъ остались въ рукахъ адмирала **Маргаритоне** въ качествѣ сицилійскихъ леновъ. Таковъ былъ скудный результатъ предпріятія, начатаго съ такими большими надеждами.

Рѣшительная реакція, вторгшаяся въ государственное и финансовое управленіе, была естественнымъ слѣдствіемъ, которое не можетъ лечь пятномъ на императора **Исаака**. Не осталось никакихъ слѣдовъ отъ благодѣтельныхъ реформъ **Андроника**. Золотые ручки опять потекли въ карманы дворянства и высшаго чиновничества. **Исаакъ** любилъ блестящій дворъ и шумныя празднества. И это тоже поглощало невѣроятныя суммы. **1183** Съ мадьярами, заявившими въ **1183** г. во время правленія **Андроника** греческую Далмацію, **Исаакъ** заключилъ миръ и вступилъ въ бракъ съ десятилѣтнею дочерью короля **Маргаритою**. Всѣ провинціи были обложены чрезвычайнымъ налогомъ для празднованія этого великаго событія, несущаго счастье народамъ. Особенно сурово дѣйствовали чиновники фиска около Анхіала и на Балканахъ среди болгаръ и влаховъ. Народъ возсталъ въ дикой ярости. Во главѣ движенія стали **Петръ** и **Іоаннъ Асѣни**, два благородныхъ боярина, которые гордились своимъ происхожденіемъ отъ національныхъ царей, какъ это часто бываетъ у героевъ революціи. Когда съ ними и ихъ требованіями оскорбительно обошлись въ Византіи, они собрали народъ въ тырновской церкви

св. **Димитрія**. Прозорливые монахи объявили, что святой покинулъ опозоренную норманнами Солунь и несетъ теперь спасеніе болгарамъ. Среди глубокаго одушевленія **Калопетръ** былъ коронованъ царемъ болгаровъ и грековъ, а **Василій** назначенъ автокефальнымъ тырновскимъ архіепископомъ. **Исаакъ** тотчасъ отправился въ походъ противъ нихъ и въ **1186** г. разбилъ толпы бунтовщиковъ. Но **Асѣни** вступилъ въ союзъ съ половцами. **Севастократоръ Іоаннъ**, однако, снова побѣдоносно дѣйствовалъ противъ болгаръ. Конечно, недовѣрчивое правительство отозвало его, а его преемникъ **Іоаннъ Кантакузинъ** въ гордой беззаботности далъ болгарамъ разбить себя; его армія была разсѣяна. Посланный затѣмъ **Алексѣй Врана** провозгласилъ себя въ **Адрианополѣ** императоромъ, но былъ вскорѣ убитъ въ поединкѣ зятемъ императора маркграфомъ **Конрадомъ Монферратскимъ**.

Въ бояхъ слѣдующихъ лѣтъ болгары укрѣпили свое положеніе. Въ союзѣ съ половцами они простирали свои набѣги до **Адрианополя** и **Македоніи**. Горечь долго угнетаемаго народа нашла себѣ выходъ въ ужасныхъ жестокостяхъ; ихъ союзники половцы выказали ту же самую страсть къ убійствамъ. Греки были стерты приверженцами **Асѣней** съ лица земли въ этихъ мѣстностяхъ и, какъ это и нынѣ имѣетъ мѣсто, ограничены побережьемъ и нѣсколькими отдѣльными пунктами внутри страны. Для грековъ было настоящимъ счастьемъ, что имъ удалось взять въ плѣнъ болгарскую царицу: вслѣдствіе этого, по крайней мѣрѣ временно **1188** году была прервана перемиріемъ убійственная мелкая война съ болгарами.

Возстановленіе національно греческой великодержавной имперіи сдѣлалъ навсегда невозможнымъ не крестоносцы, но сельджуки въ Азіи и болгары и вlahи въ Европѣ. Теперь существовала между Балканами и Дунаемъ независимая Болгарія. Дѣло **Цимисхія** и **Василія** было уничтожено. Процессъ разложенія имперіи начался.

Какимъ бы жалкимъ правителемъ ни былъ **Исаакъ**, онъ все же незаслуженно поплатился за грѣхи своихъ предшественниковъ, какъ во время норманнской войны, такъ и во время третьяго крестоваго похода. Нѣкогда въ стремленіи стать великимъ человекомъ **Мануилъ I Комнинъ** гнался за призраками и рѣшительно разрушилъ поэтому дружественныя отношенія къ западному императору, столь важныя политически. Можно поэтому понять, что, когда ужасная вѣсть о паденіи **Іерусалима** (въ іюлѣ **1187** г.) еще разъ вызвала энтузіазмъ въ защиту креста, византійскій императоръ ожидалъ съ боязливымъ опасеніемъ приближенія своего германскаго брата **Фридриха Барбароссы**. Между тѣмъ германскій императоръ лояльнѣйшимъ образомъ велъ въ **1188** г. въ **Нюрнбергѣ** переговоры о про- **1188**

пускъ и выслалъ впередъ очень значительное посольство. Но безграничная трусость византійскаго императора привела его къ безразсуднѣйшему образу дѣйствій: когда къ границамъ имперіи приблизились 80.000 главныхъ германскихъ силъ, Исаакъ заключилъ съ смертельнымъ врагомъ креста Саладиномъ формальный союзъ, остріе котораго было направлено противъ крестоносцевъ, и унизился до того, что отвелъ мусульманамъ мечеть въ столицѣ¹⁾. Къ тому же въ безсильной дерзости императорская канцелярія оскорбила гордаго героя, ребячески употребивъ титулъ „великій князь Германіи“. 26 августа 1189 г. Фридрихъ достигъ Филиппополя; отъ живущихъ здѣсь армянскихъ купцовъ онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о полномъ упадкѣ имперіи. Греки относились въ высшей степени враждебно къ крестоносному войску и нападали на отдѣльныя его части въ лѣсахъ и въ горахъ. Напротивъ, сербскій князь Стефанъ Нѣманя въ высшей степени гостеприимно привѣтствовалъ Фридриха въ Нишѣ, а болгарскіе князья предложили свой союзъ, чтобы съ 40.000 болгаръ и кумановъ помочь ему при взятіи Царьграда. Но императоръ, вѣрный своему обѣту, не хотѣлъ потерять изъ виду основную задачу своего похода ниспроверженіемъ христіанскаго государства. Его энергичное поведеніе въ такой степени импонировало византійскому слабосильному монарху, что онъ велѣлъ согласно договору безпрепятственно переправить крестоносцевъ въ мартѣ 1190 г. въ Азію. На азіатской почвѣ греки продолжали относиться къ крестоносцамъ также коварно. И все-же нѣмцы опять сдѣлали для нихъ самое лучшее. Постоянный бичъ аракисійской еемы—сельджуки были разбиты на голову 18 мая 1190 г. у Иконія, и ихъ столица была взята штурмомъ. Ослабленіе сельджуковъ принесло грекамъ пользу. Однако, Исаакъ не былъ похожъ на Алексѣя I Комнина, который сумѣлъ бы тотчасъ по мѣрѣ силъ использовать благоприятное стеченіе обстоятельствъ.

Напротивъ, по отношенію къ итальянскимъ морскимъ республикамъ императоръ повелъ разумную политику, соответствовавшую плохому состоянію государства. Такъ какъ норманны вступили въ союзъ съ Кипромъ и въ 1186 г. разбили греческій флотъ, то императорское правительство, стремясь уничтожить воспоминанія о 1182 г., заключило въ 1187 г. формальный союзъ съ Венеціей при условіи возстановленія и расширенія старыхъ привилегій;

¹⁾ Изъ этого факта нельзя дѣлать неразумнаго вывода о благотворной вѣротерпимости грековъ и т. д.: по общему сужденію и грековъ и Запада той эпохи, это было измѣной Божьему дѣлу. Этотъ фактъ надо отмѣтить, какъ первый симптомъ той безумной ненависти, которая въ послѣдствіи заставляла грековъ говорить, что лучше принять турецкую вѣру, чѣмъ латинскую; и все изъ-за Filioque!

точно также Исаакъ подтвердилъ всѣ старыя преимущества пизанцамъ въ 1192 г. и генуэзцамъ въ 1193 г.

Что касается отношеній къ болгарамъ, то въ 1190 г. Исаакъ потерпѣлъ при Верріи тяжелое пораженіе; Варна, Анхіаль, Нишъ и Средѣцъ были уступлены неприятелю. Зато ему удалось разбить въ 1193 г. при Моравѣ гордаго сербскаго князя Нѣманю. Но соединенныя силы болгаръ, кумановъ и влаховъ нанесли ему чувствительное пораженіе въ 1194 г. при Аркадіополѣ.

Къ этому присоединилась угроза имперіи со стороны германскаго императора Генриха VI, который далъ острое выраженіе своему справедливому возмущенію византійской политикой со времени Мануила, и потребовалъ себѣ, какъ наслѣднику норманнскихъ князей, Диррахій и Солунь.

Исаакъ Ангелъ занятый планами организаціи новаго болгарскаго похода, былъ 10 апрѣля 1195 г. свергнутъ и ослѣпленъ своимъ собственнымъ братомъ **Алексѣемъ III Ангеломъ (1195—1203)**. Перемѣна не была улучшеніемъ.

Правда, влѣдствіе смерти Саладина государство освободилось въ 1193 г. отъ страшнаго врага; но Генрихъ VI занялъ тѣмъ болѣе угрожающую позицію. Алексѣй довольно безразсудно самъ бросилъ вызовъ венеціанцамъ, медля въ 1196 г. съ подтвержденіемъ ихъ привилегій: въ этомъ было тѣмъ менѣе политическаго смысла, что только съ ихъ помощью онъ могъ противостоять германонорманнскому перевѣсу силъ; къ тому же достоинство дожа было возложено съ 1193 г. на Энрико Дандоло, первостепеннаго политика, но человѣка, который ни въ коемъ случаѣ не былъ дружественно настроенъ по отношенію къ Византіи, и котораго не слѣдовало раздражать. Византійскій кабинетъ былъ такимъ образомъ снова вполнѣ изолированъ, когда осенью 1196 г. явились послы императора Генриха и предъявили испуганному императору самыя унизительныя требованія. Чтобы избѣгнуть большихъ территоріальныхъ уступокъ, онъ долженъ былъ согласиться на платежъ дани, и только первоначальное требованіе 5.000 фунтовъ золота было уменьшено до 1.500. Только смерть Генриха въ 1197 г. освободила ромейскій народъ, къ его великой радости, отъ „алеманнской подати“.

Правленіе Алексѣя, гордо называвшаго себя Комниномъ, ни въ коемъ случаѣ не было лучше правленія его брата Исаака. Что адмиралъ Стрифнъ продалъ съ аукціона старыя корабли и негодные матеріалы, совсѣмъ не было само по себѣ такъ дурно, какъ въ томъ насъ хочетъ убѣдить Никита Хоніатъ; чисто византійской чертой этого дѣла было лишь то, что вырученныя суммы потекли въ карманы этого высокаго сановника, вмѣсто того, чтобы быть употребленными на новыя заготовки. Императоръ и дворъ были тайными участниками прибылей пиратовъ на Черномъ морѣ. Конечно,

по представлениямъ румскаго султана должны были быть вознаграждены хотя бы его подданные, страдавшіе отъ грабежей.

Съ болгарами императоръ не могъ заключить мира вслѣдствіе безстыдства ихъ условій. У Серръ греческое войско потерпѣло
1196 поражение. Между тѣмъ въ тырновскомъ дворцѣ палъ въ 1196 г. страшный для грековъ Іоаннъ Асѣнъ I отъ руки своего довѣреннаго Иванки, любовника сестры царицы Елены; убійца бѣжалъ къ византіянамъ. Въ Болгаріи за кратковременнымъ правленіемъ Калопетра (+1197) слѣдуетъ непримиримый врагъ грековъ Калоянъ (1197—1207), который вслѣдствіе
1197 своего коварства, жестокости и безжалостной суровости, соединенныхъ съ большимъ политическимъ смысломъ, сталъ для грековъ такимъ же страшнымъ, какимъ былъ когда то для болгаръ Василий II. И въ Македоніи поднялись болгары. Алексѣй не могъ побѣдить боярина Добромира Стрѣза и женилъ его на своей родственницѣ. Иванко, называвшійся въ качествѣ грека Алексѣемъ, правда, разбилъ болгаръ при Филиппополѣ, но измѣнилъ грекамъ, какъ когда-то его соплеменники, и былъ схваченъ
1200 лишь въ 1200 г., послѣ того какъ прошелъ до Эгейскаго моря, предавая все огню и мечу. Когда, наконецъ, въ 1201 г. возмущился и племянникъ императора Мануилъ Камицъ, греки заключили съ болгарами въ высшей степени выгодный для послѣднихъ миръ, по которому въ ихъ владѣнія переходили всѣ завоеванія отъ Бѣлграда до Чернаго моря и до Вардара. Важнымъ политическимъ ходомъ Калояна была унія съ Римомъ, заключенная послѣ длительныхъ переговоровъ, и конечно, совсѣмъ не серьезно задуманная. Посланный папой Иннокентіемъ III кардиналъ-легатъ Левъ поставилъ Василия примасомъ Болгаріи, привезъ митрополитамъ палліи и епископамъ—все чистокровные
8 нояб. болгаре—митры. 8 ноября 1204 г. Калоянъ былъ торжественно
1204 коронованъ кардиналомъ.

Въ то время какъ въ Европѣ дѣла принимали такимъ образомъ въ высшей степени неблагоприятный для ромеевъ оборотъ, въ Азіи надо было непрестанно бороться съ сельджуками и бунтовавшими принцами. Завлекаемые выгодными предложеніями султана Кай-Хусрау I, греческіе подданные массами поселялись въ его странѣ. Конечно, эти бѣдняки скоро видѣли, что горько обманулись, и въ несравненно болѣе тяжеломъ гнетѣ они получали достойную награду за свою измѣну имперіи.

Надменность итальянскихъ купцовъ становилась невыносимой. Генуэзецъ Гаффоге, на котораго великимъ адмираломъ былъ наложенъ денежный штрафъ, сдѣлался пиратомъ и громилъ беззащитные острова и побережья. Пользовавшійся столь же дурною славой калабріецъ Джіованни Стиріоне былъ принятъ въ званіи вице-адмирала на императорскую службу и смогъ, наконецъ, въ

1198 г. уничтожить Гаффоге при помощи пизанцевъ. Но зять послѣдняго Ветрано, продолжалъ пиратскую войну, а примѣненные вслѣдствіе этого греческимъ правительствомъ репрессіи по отношенію къ генуэзцамъ повели къ долгимъ переговорамъ, и въ концѣ концовъ имперія должна была опять вознаграждать за убытки. Предпочтеніе, оказанное императоромъ пизанцамъ, вызвало гнѣвъ могущественныхъ венеціанцевъ. Роковымъ было то обстоятельство, что императоръ не сумѣлъ сойтись съ могучимъ Дандоло.

Разложеніе имперіи дѣлало все большіе успѣхи. Честолюбивые вельможи въ отдѣльныхъ провинціяхъ старались стать независимыми тираннами; самый извѣстный среди нихъ—Левъ Стуръ, навплийскій архонтъ, который занялъ въ 1202 г. Аросъ, а вскорѣ Коринѳъ. Въ 1203 г. онъ двинулся на Аѳины; но геройское сопротивленіе митрополита Михаила Акомината спасло акрополь. Фивы, напротивъ, тотчасъ капитулировали. Но у Фермопилъ онъ былъ побѣжденъ опытными въ бояхъ рыцарями новаго солунскаго короля, Бонифація Монферратскаго. Подобную же полу-независимую позицію занялъ въ Трапезунтѣ армянскій домъ Габеровъ, потомки старыхъ таронскихъ князей, въ качествѣ „герцоговъ Халдіи“. Кантакузины, Враны, Мелиссини и др. обладали обширными ленами и латифундіями въ Эпирѣ и Этоліи. Короче говоря, имперія все болѣе сама принимала феодальный видъ, котораго печать окончательно должно было наложить на нее франкское завоеваніе.

Рокъ все болѣе нависалъ надъ имперіей. Филиппу Швабскому, мужу Ирины, дочери сведеннаго съ престола Исаака, были пока связаны руки германскимъ претендентомъ на престолъ. Но событія пришли въ движеніе, когда великій папа Иннокентій III сумѣлъ вновь организованной проповѣдью одушевить для завоеванія Св. Земли столь же благочестивое, сколь воинственное и готовое къ жертвамъ французское дворянство. Истинно государственной была мысль великаго папы могучимъ нападеніемъ на Александрію и Египетъ поразить въ самое сердце государство Эюбидовъ, владѣвшее Іерусалимомъ. Въ Венеціи собрались франкскіе и фландрскіе крестоносцы, чтобы вести переговоры о перевозѣ войскъ съ дожемъ господствующей надъ моремъ республики. Но Энрико Дандоло заботился о поддержаніи наилучшихъ отношеній съ Египтомъ, благодаря чему приходящіе въ страну Нила драгоценные товары Восточной Азіи направлялись въ Венецію: тѣ религиозныя цѣли, которыя носились передъ папой и которыя одушевляли благородныхъ франковъ, были вполне чужды и безразличны этому гениальному властителю, носившему въ себѣ, однако, чисто купеческую душу. Къ тому же 24 мая 1201 г. умеръ одушевленный 24 мая идеей крестоваго похода вождь рыцарей, графъ Тибо Шампанскій, и 1201 маршалъ Вилльгардуинъ (Villehardouin) провелъ выборъ маркграфа Бонифація II Монферратскаго, врага грековъ, преслѣдо-

1201 вашего только политическія цѣли. Уже въ мартѣ 1201 г. сумѣлъ Энрико Дандоло всецѣло подчинить своимъ интересамъ и планамъ и безъ того вполне зависѣвшихъ въ финансовомъ отношеніи отъ республики рыцарей, заключивъ съ крестоносцами договоръ, настоящій образецъ дипломатической ловкости. Великій папа насквозь видѣлъ своего противника и соглашался одобрить договоръ только подъ условіемъ, что походъ не долженъ быть направленнымъ противъ христіанъ; но Венеція рѣшительно отказалась согласиться на это обязательство. Такъ было постыднымъ образомъ использовано въ политическихъ видахъ Венеціи религиозное одушевление крестоносцевъ, подобно тому какъ это сдѣлали дипломаты Вѣнскаго конгресса съ жертвами, принесенными со стороны народсвъ ради національной идеи въ 1813 и 1815 гг. Случай помогъ венеціанцамъ. Сынъ Исаака Алексѣй бѣжалъ на Западъ съ помощью пизанцевъ. Папа Иннокентій былъ въ достаточной степени корректенъ, чтобы его не принять; но зять царевича Филиппъ Швабскій принялъ его съ распростертыми объятіями. Среди крестоносцевъ многіе были изъ рейнскихъ областей, и маркграфъ Бонифацій находился съ Филиппомъ въ хорошихъ отношеніяхъ; такимъ образомъ желаніе послѣдняго возстановить на престолѣ Исаака и его сына, такъ удачно соотвѣтствовавшее планамъ Дандоло, было благосклонно принято въ лагерѣ крестоносцевъ. Протестъ Иннокентія III не былъ услышанъ, а противъ его легата Дандоло выступилъ съ такой энергіей, что понемногу стало всякому ясно, что положеніе дѣлъ находится всецѣло въ рукахъ дожа; онъ и использовалъ выгоды этого положенія по мѣрѣ

1202 силъ. Въ началѣ октября 1202 г. крестоносный флотъ вышелъ въ море и занялъ уже въ ноябрѣ далматинскую Зару, принадлежавшую благочестивому Эмерику Венгерскому. Венеціанцамъ не помѣшало въ ихъ безпощадномъ преслѣдованіи своихъ торгово-политическихъ интересовъ то, что послѣдній самъ былъ крестоносцемъ.

Весь этотъ походъ, направленный Венеціей противъ Византіи, имѣетъ въ исторіи только одну параллель въ англійской морской экспедиціи, имѣвшей слѣдствіемъ аннексію Египта: оба раза таилась одинаково большая неискренность въ скриваніи истинныхъ политическихъ конечныхъ цѣлей. Интересно также, что политическое руководство обѣими аферами было поручено настойчивымъ старцамъ, имѣвшимъ большой государственный опытъ. Римъ отлучилъ отъ церкви венеціанцевъ и объявилъ крестоносцамъ, что не ихъ дѣломъ является наказывать грековъ и ихъ императора за ихъ грѣхи. Но царевичъ Алексѣй общалъ 200.000 марокъ серебра, 10.000 человекъ вспомогательнаго войска для войны съ невѣрными въ теченіе одного года и унію съ римскою церковью, условія въ высшей степени умѣренныя и разумныя. У многихъ крестоносцевъ еще говорила совѣсть. Но искусныя убѣжденія дожа и марк-

графа, и прежде всего надежда на безмѣрную добычу смягчили, за небольшими исключеніями, рыцарей, находившихся по большей части въ неважномъ финансовомъ положеніи. Дѣло Божіе пало жертвой маммонѣ.

Дандоло и Бонифацій руководили предпріятіемъ съ дѣйствительно достойной удивленія осмотрительностью. Авангардъ венеціанскаго флота занялъ въ апрѣлѣ 1203 г. Диррахій. Уже 27 іюня флотъ, везшій 40.000 солдатъ, бросилъ якорь напротивъ императорской резиденціи у Скутари, древняго Хрисополя.

Императоръ стянулъ въ столицу противъ врага армію приблизительно въ 60.000 человекъ; но довѣряться можно было только варягамъ. Лишь въ послѣдній моментъ стали думать объ исправленіи стѣны и приведеніи въ порядокъ слабого и ветхаго флота. Штурмъ былъ начатъ противъ предмѣстья Перы. 6 іюля пала крѣпкая Галатская башня. Когда былъ организованъ штурмъ противъ самой столицы, храбрый зять императора Федоръ Ласкаръ, варяги и враги Венеціи пизанцы защищались геройски. 17 іюля императоръ почти по принужденію рѣшился на вылазку; она разбилась о храбрость франковъ. Жалкій императоръ бѣжалъ въ Девельтъ, захвативъ царскія драгоценности и сокровищницу. Тогда завѣдующій государственной казной Константинъ вывелъ изъ тюрьмы слѣплаго Исаака II Ангела и объявилъ его снова императоромъ вмѣстѣ съ его сыномъ Алексѣемъ IV (18 іюля 1203—28 января 1203-1204). Царевичъ, сопровождаемый баронами, совершилъ свой торжественный въѣздъ въ столицу.

Предводители крестоноснаго войска остановились во Влахернскомъ императорскомъ дворцѣ, крестоносцы заняли городъ. Между тѣмъ по просьбѣ императора Исаака ихъ лагерь былъ перенесенъ на Галатскую равнину, а флотъ бросилъ якорь у Перы, послѣ того какъ Дандоло приказалъ снести часть городской стѣны. Алексѣй IV получилъ франкскій отрядъ тѣлохранителей. Предварительно греки уплатили 100.000 марокъ; венеціанцы тотчасъ взяли половину себѣ, а изъ остальныхъ вычли 35.000 марокъ за долги пилигримовъ.

Всёобщее раздраженіе господствовало среди близорукихъ крестоносцевъ. Они не понимали знаменій времени, хотя уже наступило теперь то состояніе, которое должно было продлиться два съ половиной столѣтія: отъ милости итальянскихъ купцовъ вполне зависѣли и имперія и ея государь, будь то франки или греки, несмотря на высокій тонъ, который по временамъ принимали послѣдніе; они пали, какъ только Венеція покинула ихъ или, говоря точнѣе, вынуждена была ихъ покинуть вслѣдствіе сочетанія торгово-политическихъ обстоятельствъ. Старое отношеніе перевернулось: прежніе слуги стали господами¹⁾.

¹⁾ С. Нопф: Griechische Geschichte, I 151.

Обоимъ императорамъ принадлежала только столица, провинціи повиновались еще отступившему въ Адрианополь Алексѣю III. Вскорѣ вспыхнуло народное греческое возстаніе, и жертвою его сдѣлались торговые склады пизанцевъ и амальфитанцевъ, а также турецкая мечеть. Къ этому присоединился страшный пожаръ въ городѣ. Пока Алексѣй IV съ помощью франковъ покорялъ Оракію, вельможи столицы думали о сопротивленіи и возстановляли городскія стѣны. Исаакъ II и Алексѣю IV понемногу стало надоѣдать безстыдство франковъ; масла въ огонь подлили грубыя слова Дандоло молодому императору: „скверный мальчишка, мы вытащили тебя изъ грязи, и мы опять тебя бросимъ туда обратно“. Во главѣ управленія имперіей сталъ смѣлый и отважный Алексѣй Дука Мурзуфлъ, родственникъ императорскаго дома. Греки произвели изъ столицы нѣсколько, хотя и неудачныхъ, нападений. Но въ лагерь франковъ свирѣпствовалъ голодъ. 25 января дѣло дошло до революціи. Знать, клиръ и народъ собрались на выборы императора, входившіе мало-по-малу въ привычку. Послѣ того какъ безъ согласія патріарха 28 января былъ помазанъ императоромъ Николай Канавъ, 5 февраля 1204 Мурзуфлъ былъ торжественно коронованъ патріархомъ, какъ законный римскій императоръ Алексѣй V. Алексѣй IV былъ задушенъ, его несчастный отецъ умеръ отъ ужаса. Гнилые компромиссы исчезли: греки и латиняне стояли другъ противъ друга, какъ смертельные враги. Новый императоръ тотчасъ отказался отъ дальнѣйшихъ платежей и потребовалъ ухода крестоносцевъ. Война стала неизбежна. Нападеніе, произведенное на возвращавшихся изъ богатаго города Филеи на Черномъ морѣ съ неимоверной добычей франковъ, было такъ неудачно, что въ руки Пьерра де-Брашейля попалъ палладіумъ имперіи, носимый патріархомъ образъ Панагіи Одигитріи, произведеніе евангелиста Луки. Мартъ прошелъ во внушительныхъ приготвленіяхъ франковъ; строились сильныя осадныя машины и штурмовыя лѣстницы. Но Алексѣй V руководилъ защитой съ осмотрительностью и безстрашіемъ. Первый штурмъ франковъ не удался. Главный штурмъ былъ произведенъ 12 апрѣля. Варяги защищались съ львиной храбростью. Но двѣ башни пали; Пьерръ Амьенскій выбилъ однѣ изъ городскихъ воротъ. Напрасно старался герой-императоръ овладѣть всеобщей паникой. Какъ всегда въ эпохи глубокаго паденія, народы слагаютъ всю вину несчастія на своихъ политическихъ руководителей, или приписываютъ ее измѣнѣ военныхъ вождей; такъ происходитъ и съ Алексѣемъ V: въ народѣ возникла уже мысль о его низложеніи; съ разбитымъ сердцемъ и самъ онъ убѣждается, что дѣло отечества проиграно. Онъ бѣжитъ черезъ Золотыя ворота, „чтобы не стать пищей дышащихъ мутью латинскихъ челюстей“. Остатокъ патріотовъ хочетъ избрать въ св. Софіи императоромъ Ѳедора Дуку или Ѳедора Лас-

5 фев.
1204

каря. Но всякій призывъ къ вторичному сопротивленію разбивается о малодушное отчаяніе народа и индифферентизмъ наемниковъ. Ласкаръ бѣжитъ въ Малую Азію. Напрасно молили Бонифація милости жалкіе остатки населенія: гордая Византія должна была испить до дна чашу горечи. Неудержима была ярость разнузданнаго войска, ворвавшася въ ея улицы: „лозунгомъ венеціанцевъ было грабить и дѣлать деньгу, французовъ—издѣваться и бесчестить, нѣмцевъ—пировать и громить“. Хуже всего хозяйничали западные колонисты, которые до того времени обирали подданныхъ императора, а теперь ужаснѣе всего свирѣпствовали, какъ убійцы.

Уже въ мартѣ 1204 г. былъ заключенъ договоръ о раздѣлѣ, Мартъ по которому на долю новаго императора падала четверть имперіи, 1204 а нація, у которой ускользнула корона, получила для своего клира патріархатъ и неизмѣримыя земельныя владѣнія св. Софіи. Остальныя три четверти должны были быть раздѣлены между венеціанцами и рыцарями. Душой всего новаго порядка былъ высокопревозносимый Дандоло. Подъ вліяніемъ голаго, но въ высшей степени близорукаго венеціанскаго меркантилизма онъ заботился только о денежныхъ интересахъ республики, и изъ безразсуднѣйшей боязни сильной латинской имперіи онъ создалъ пустякъ, недостойный увидѣть свѣтъ солнца: латинская имперія была съ самаго начала смертельно слабой, жизненно усталой машиной, и все ея существованіе было длительной болѣзью, непрестаннымъ умираніемъ.

Дандоло воспрепятствовалъ выбрать императоромъ дѣльнаго и энергичнаго Бонифація. Гибкаго же и талантливаго Балдуина Фландрскаго онъ съ самаго начала сдѣлалъ призрачнымъ императоромъ, склонивши его посредствомъ своего призыва къ его добротѣ передать Бонифацію все земли по ту сторону Босфора и „l'île de Griesse“. Такъ все отъ начала созрѣло къ паденію. Только венеціанцы умѣли повсюду проводить свои собственные частныя интересы со всей рѣшительностью купеческой олигархіи. Вопреки протестамъ французскаго клира Ѳома Морозини сдѣлался патріархомъ, и тринадцать венеціанскихъ клириковъ были назначены канониками при св. Софіи. Вышше унія была достигнута: гордый вселенскій патріархатъ согнулся передъ старымъ Римомъ. На самомъ же дѣлѣ господствовали приблизительно такіе же порядки, какъ въ Ирландіи во времена господства англиканской церкви. Многочисленный латинскій клиръ съ малой паствой или совсѣмъ безъ нея питался доходами богатыхъ бенефицій; но обѣднѣвшая православная іерархія имѣла за собою народъ, угѣшала его подъ чужеземнымъ игомъ и не давала заснуть мысли о будущемъ возрожденіи.

Здѣсь не мѣсто набросать даже поверхностно картину преобразованій отдѣльных провинцій старой абсолютной имперіи въ форму западнаго леннаго государства, какъ это образцово сдѣла-

Н о r f. Для культурной истории XIII и XIV в.в. или для экономической истории Леванта это важная глава. Здѣсь мы рассматриваемъ исключительно политическую историю византійскаго народа; а къ ней принадлежитъ история латинской имперіи, солунскихъ королей, герцоговъ Аѳинъ и Ахайи въ столь же малой степени, какъ история румскихъ сельджуковъ или египетскихъ мамелюковъ, которые, вѣдь, тоже предали варварству части прежней Византійской имперіи.

VIII. Никейская имперія (1204—1261).

Съ образованіемъ франкскихъ ленныхъ государствъ были необходимыми образомъ связаны многовластіе и раздробленіе всѣхъ боевыхъ силъ; а это препятствовало, къ великому счастью грековъ, всякому совмѣстному дѣйствию и концентрации латинскихъ тирановъ. Послѣдній патріотъ, Алексѣй V Мурзуфлъ былъ ослѣпленъ по повелѣнію Алексѣя III, съ которымъ онъ хотѣлъ соединиться для совмѣстной борьбы, а крестоносцы, захвативъ героическаго противника, выказали свою грубость въ томъ, что свергли его съ колонны Θεодосія, какъ клятвopреступнаго убійцу императора Алексѣя IV. Безстыднаго Алексѣя III и достойную его жену Евфросину сослали, по милости короля Бонифація, для пріятной дачной жизни въ Алмирь. Зато энергичнѣе и счастливѣе оказались другіе греческіе вельможи. Михаилъ Ангелъ Комнинъ, побочный двоюродный братъ Ангеловъ, овладѣлъ въ 1204 г. никопольской ѳемой и мощной рукою сталъ 1204 совершенно независимо отъ латинянъ управлять Эпирскимъ деспотатомъ, простиравшимся отъ Навпакта до Диррахія. Еще болѣе возвеличиться въ исторіи суждено было имени Θεодора Ласкаря. Онъ кинулся въ Виѳинію и пытался спасти для ромеевъ Азію, но въ Филадельфії выступилъ претендентъ Θεодоръ Манкафа, на Родосѣ сталъ независимымъ правителемъ Левъ Гавала, а въ долинѣ Меандра — Мануилъ Маврозомъ. Никея затворила свои ворота передъ Ласкаремъ изъ ненависти къ его тестю, Алексѣю III. Осенью 1204 г. крестоносцы закончили всѣ свои 1204 приготовления къ завоеванію Малой Азіи, получивъ подкрѣпленіе со стороны 10.000 возвращавшихся изъ Палестины паломниковъ. Напрасно вступилъ Ласкаръ въ союзъ съ сельджуками Рума и филадельфійскимъ императоромъ. Пьерръ де-Брашейль одержалъ 6 декабря 1204 г. надъ нимъ побѣду при Пиманентѣ и занялъ Лопадій, Аполлонію и Никомидію. Устояла только крѣпкая 1204 Пруса. Тѣмъ временемъ со стороны Абидоса дѣйствовалъ графъ Генрихъ, который и одолѣлъ 12 марта 1205 года Манкафу. 1205